

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Антонины Алексеевны Загороднюк на тему: «Семантика и функционирование книжно-письменных синтаксических конструкций в современной русской устно-разговорной речи на материале национального корпуса русского языка», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

В объект исследования представленной к защите диссертации включены причастные и деепричастные обороты совместно с номинализованными полупредикативными конструкциями. Это решение не только сто́ит приветствовать с точки зрения синтаксиса, но и заставляет задуматься, не является ли фактор подобия конструкций с деепричастиями причастным и деепричастным оборотам признаком какого-либо морфологического оформления главных словоформ номинализованных конструкций как факта грамматикализации в виде субстантивной формы глагола, точно таким же, как причастие в атрибутивизированных конструкциях и деепричастие в адвербиализированных конструкциях. Большинство из рассмотренных деепричастивов относится к образованиям на *-ние, -ение, -тие*. Следовательно, именно эти форманты можно считать формообразующими.

В первой главе тщательно излагаются различия между книжно-письменной и устно-разговорной речью. Подробнее рассмотрены словообразовательные и синтаксические различия между книжной и разговорной речью. Ближайшими к разговорной оказываются публицистический и художественный стили. В них легко передается разговорная речь. Многие синтаксические конструкции в этих стилях являются генетически разговорными. Если учесть, что устная форма языка исторически первична, то она все время воспроизводит изначальное движение от устной к письменной форме.

Мысль о постоянном влиянии разговорной речи на книжную кажется тривиальной. Обратное влияние объяснить труднее, но именно оно и рассматривается в диссертации. Этот языковой процесс, связанный с национальным периодом в истории русского литературного языка, происходит в условиях интертекстуальности и бо́льшей дифференциации жанров разговорной речи.

Причины вхождения книжных средств в разговорную речь исследуются с точки зрения внутриязыковых тенденций. Делается это на основании триады «язык – речь – речевая деятельность».

На этом основании много внимания уделяется дискурсу. Наиболее ценное в рассуждениях о нем связано с переходом от дискурса к внутриязыковой проблематике. Поэтому плодотворными представляются понятия развертывания дискурса из общего компонента (термин *протракция*) и свертывание дискурса при объединении частных компонентов (термин *ретракция*). Здесь интересно историческое замечание: «...смысл, который на данном этапе становления языковой системы обычно выражается целым дискурсом, некогда содержался в высказывании, состоящем из одного слова со значением действия [Борботько 2011: 118]». Эта тенденция противоречит понятию «сгущения мысли», введенному Потемной. Выявляемое противоречие разрешается различием понятий дискурса и языка. В филогенезе речевой деятельности на уровне языка происходит сгущение мысли, на уровне дискурса, то есть внешних условий речи, –

протракция. Более того, интересы протракции в речи способствуют сгущению мысли и углублению синтаксической перспективы в языке.

Понятие дискурса находится в прямом полемическом преемстве с гумбольдтианским понятием языка как речевой деятельности. С дискурсом сопоставляется понятие текста. Гумбольдт рассматривал текст как омертвление языка. Вероятно, этот тезис следует ограничить лишь письменными текстами. Они представляют опосредованное общение (с. 22 диссертации). В этом случае устно-разговорный живой текст приходится понимать как некую полезную условность, необходимую для сопоставления с письменным мертвым текстом.

Разговорный дискурс имеет свои актуальные средства выражения, называемые дискурсивными словами.

При разборе связей дискурса с категориями языка сочувственно цитируется мнение А. Л. Шарандина о том, что в динамической теории частей речи девербативные субстантивные формы глагола можно рассматривать в грамматической парадигме глагола (с.26). Нам представляется, что все-таки следует различать не очень продуктивные и совсем непродуктивные словообразовательные модели имен действия, с одной стороны, и очень продуктивные форманты *-ние, -ение, -тие*, которые можно рассматривать как морфологические.

Антонина Алексеевна опирается на диалогичность устно-разговорной речи и монологичность книжно-письменной речи. В оппозиции «диалог : монолог» маркированным членом оказывается монолог, так как диалог – это фундаментальная основа любой речи, а монолог – только письменной. Привативная оппозиция диалогической и монологической формы речевой деятельности имеет прямое отношение к генезису грамматических категорий, например, конструкциям сложноподчиненных предложений или объединению вопросительной и относительной функции в одном местоимении. Сложноподчиненное предложение складывается как придание дополнительного маркирующего признака монологичности исходному диалогу.

Дискурс разворачивается на определенном когнитивном фоне, который также попадает в сферу внимания. В свете когнитивного подхода вторичная предикация, выражаемая производными формами, выступает как средство иерархизации смыслов.

Обзор обыденного и научного сознания объясняет когнитивное качество разговорной и книжной речи. Отмечается проникновение научного сознания в обыденное, что влечет за собой воздействие книжной речи на устную. При этом в наше время СМИ замещают собой художественную литературу. Отсюда повышение роли политического, исторического и медицинского дискурсов.

Компрессия высказывания в разговорной речи приводит к усилению ее полипредикативности. Так возникает объект исследования: причастия, деепричастия и имена действия в составе синтаксических полупредикативных конструкций.

Обилие отглагольных существительных в русском языке связывается с его ролью языка международного общения (с.53). Это свойство русского литературного языка восходит к кирилло-мефодиевским переводам с греческого и, шире, с ведущей ролью церковно-славянской нормы в панхроническом масштабе.

Во 2-й главе поставлен вопрос о лингвистических основаниях функционирования выделенных книжно-письменных синтаксических конструкций в устно-разговорной речи. Конструкций с номинализациями оказалось примерно вдвое больше, чем конструкций с

действительными причастиями, и втрое больше, чем конструкций с деепричастиями. При этом в полуофициальном общении таких конструкций больше в 5 раз, чем конструкций с причастиями, и больше в 7 раз, чем с деепричастиями. Это означает, что, по крайней мере в разговорной речи, субстантивные вторичные формы преобладают над атрибутивными и адвербиальными формами глагола. Полуофициальные ситуации общения лишь усиливают действие книжных синтаксических структур, они очень широко представлены и в повседневной бытовой речи.

Материал исследования подвергнут тщательной предварительной критике. Он разделен на такой, который представляет полуофициальное общение, включающее неспонтанные описания, пересказы или воспоминания, и собственно разговорный материал. По степени возрастания официальности выделяется 6 ступеней.

Использование девербатов в воспоминаниях «позволяет говорящему «нанизывать» одно уточнение на другое, не тратя время (времени ? – Д.Д.) на дополнительное согласование между частями предложения, и, таким образом, сосредоточиться на самом содержании высказывания. Для устной речи это оказывается также важно, поскольку объем оперативной памяти человека позволяет удерживать в фокусе внимания ограниченное число единиц, и номинализации, позволяющие обозначить явление, оказываются в данном случае эффективнее развернутого глагольного предиката» (с.73).

В разговорной речи полупредикативные выражения с номинализациями востребованы настолько, что они способствуют развитию видовой оппозиции в глагольных именах, особенно это видно в конструкциях-темпоративах. *Во время раскулачивания* (пример 5) – сохраняется значение несов. вида. *После окончания института* (пример 4) – сохраняется значение сов. вида. Семантическая позиция способствует и нейтрализации видов: *организации, созданные для поддержания авторитарного режима* (пример 16). Здесь форма, производная от глагола сов. вида *поддержат* имеет значение несов. вида. *До моего прихода* (пример 3), Здесь обратный случай: производное от глагола несов. вида имя используется в значении сов. вида, – случай, практически невозможный в формах на *-ние, -ение, -тие*. В целом, Антонина Алексеевна приходит к выводу, что общефактическое значение несов. вида могут передавать номинализации, которые «соотносятся с группой событий и примыкающей к ней категории фактов» (с.80). Наименования процессов, состояний и свойств также соответствуют значениям несов. вида глагола. Становятся понятными семантические условия нейтрализации по виду глагольных имен на *-ние, -ение, -тие*, образованных от глаголов сов. вида, но свободно употребляющихся как в значении сов., так и в значении несов. вида.

Интердискурсивная полуофициальная речь весьма способствует номинализациям. Книжно-письменный источник в этом случае становится непосредственным. Благодаря опоре на различные тематические группы письменных дискурсов, в устной речи преобладают словообразовательные славянизмы.

Номинализация переводит рему в тему следующего высказывания. Анализ актуального членения разговорной речи осложняется тем, что рема может предшествовать теме, особенно в эмоциональной речи. В 5-ом, 6-м, 10-м, 12-м, 14-м, 15-м, 16-м и 19-м примерах именно такая ситуация.

Действительные причастия рассматриваются в аспекте таксиса.

Среди примеров с причастиями наст. времени находятся такие, которые не просто используют эту книжную форму, а возрождают архаические синтаксические конструкции с причастиями. Так, в примере 32 *Но вот прикинь/ да/ меня висящего с ножовкой/ на этой маленькой лесенке...* можно усмотреть конструкцию двойного Винительного. Здесь мы видим естественное возвращение к линейности синтаксиса в разговорной речи.

Среди примеров, рассматриваемых для исследования интердискурсивности, обращают на себя внимания причастия несов. многократного вида с суффиксами *-ива-*, *-ыва-*: *опоясывающая боль, забинтовывающаяся лангетка, обезболивающее, распутывающий кондиционер, расчесывающий эффект*. Эта особенность медицинского, технического, косметического, административного дискурсов очень хорошо проникает в разговорную речь.

Отмечается сильное влияние дискурса художественной литературы на психологический дискурс разговорной речи.

Чаще всего причастным оборотом определяется существительное в форме Им. падежа (с.119). Но именно с подлежащим согласуется деепричастие, ранее – также по форме, ныне – только по значению. Таким образом возникает конкуренция между причастием и деепричастием, которая, как видно, в разговорной речи разрешается в пользу причастия, что соответствует общему разговорному характеру полных атрибутивных форм по сравнению с краткими.

Сама форма деепричастия проигрывает причастию, поскольку семантически согласуется только с подлежащим предложения. Однако в непринужденной разговорной речи это преодолевается нарушением нормы. Например: «...*получив диплом "дипломированный специалист" / значит / меня распределили в очень хороший пионерский лагерь*» (с.137).

В выводах по второй главе можно выделить наблюдение, что «...номинализации, обозначающие отвлеченные действия и процессы, зачастую приобретают терминологическое или узкоспециальное значение в специализированных дискурсах. Именно поэтому систематизация дискурсов, представленных во фрагментах с номинализациями, возможна с опорой на лексическую и тематическую характеристику данных форм. Причастия и деепричастия, напротив, не имеют подобной связи со специализированной речью, поэтому их интердискурсивную природу можно обнаружить при выделении текстов определенных речевых жанров и функционально-смысловых типов» (с.155). Это несколько затрудняет отнесение номинализации к грамматике, однако не препятствует, поскольку лексические и тематические ограничения вполне возможны и в грамматической категории.

Замечания.

1) В работе говорится: «Сложные предложения, в частности сложноподчиненные, также частотны в книжной речи, так как они обеспечивают её внутреннюю логичность, интеллектуальность» (с.6). Это положение, как кажется, требует пояснения. Отглагольные существительные, причастия и другие производные формы, способствующие трансформации сложного предложения в простое, являются яркой приметой книжной речи. Но эта примета не противоречит обилию и определенных типов сложноподчиненных предложений в книжной речи. Например, в разговорной речи вместо причастного оборота скорее можно встретить придаточное определительное, вполне естественны для разговорной речи и местоименно-соотносительные конструкции сложноподчиненных

предложений, вместо которых в книжной речи употребляются словосочетания на основе производных слов. Скажем, *(тот,) кто продает овощи* заменяется на *продавец овощей*. Разговорный синтаксис сложноподчиненного предложения является камнем преткновения в преподавании русского языка китайцам.

Итак, сложноподчиненные предложения не вообще так же частотны в книжной речи, как в разговорной, а одни типы придаточных более характерны для книжной, другие – для разговорной речи.

В работе имеются, с нашей точки зрения, случаи избыточности и недостатки.

2) На с.96-97 говорится, что в предложении *Интересуют подробности о ныне не присутствующих здесь общих знакомых* (пример 2) причастие несов. вида употребляется с отрицанием, следовательно, надо ожидать здесь наиболее типичного для разных форм глагола несов. вида с отрицанием обобщенно-фактического значения, и версия конкретно-процессного значения может вообще не обсуждаться. Это избыточно.

3) При анализе перфектных значений почему-то вне зоны внимания остается различие статального и акционального перфекта, очень важное для просторечия и разговорной речи. Так, представляется, что выражения типа *ты к нему уже привыкшая, мы-то уже привыклише* (примеры 3 и 4) актуализируют состояние в настоящем и могут быть отнесены к разговорным статальным перфектам, которые в этой позиции сказуемого известны в краткой форме *привыклиши*; выражения типа *нельзя верить уже занявшему всю Европу* (пример 5) актуализирует действие, результат которого рассматривается только как следствие, и могут быть отнесены к акциональному перфекту, более характерному для книжной речи. Причастие здесь употребляется в форме косвенного падежа и субстантивируется.

Это красноречиво отражается в современной разговорной речи образованных городских жителей. Кроме приведенного, значение акционального перфекта прослеживается в примерах 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 37, значение статального перфекта – в примерах 13, 14, 15, 23, 38, и 39.

Неразличение акционального и статального перфекта – это недостаток.

4) Формы на *-вши* в позиции основного предиката также называются в работе деепричастиями. Следовательно, на первый план выходит формальная сторона вопроса (с.145). Однако всё исследование посвящено функциональной стороне языка, а формы подчинены ей. По происхождению такие формы представляют собой краткие действительные причастия женского рода. Они характерны именно для просторечия, не входят в состав книжных синтаксических полупредикативных единиц в разговорной речи и выходят за рамки объекта исследования. Оправдание можно найти только для обсуждения примера 6: *А я/ опоз... проспавши/ опоздавши/ бежала через две ступеньки*. Здесь народная стихия языка как будто бы подвергается литературной обработке. Такие формы можно назвать полноценными книжными деепричастиями по функции, представленными в разговорном формальном варианте. Впрочем, в работе правильно написано о втором возможном толковании этих форм как однородных сказуемых. Пауза после *опоздавши* показывает, что это даже наиболее вероятное толкование. Считаю, что звездочку на с.146 в синонимическом выражении *А я проспала, опоздала, бежала через две ступеньки* ставить на надо.

5) Думается, нет смысла сопоставлять выражения с краткими причастиями на *-вши* с категорией состояния, поскольку в безличных предложениях такие краткие причастия не встречаются и не сочетаются с инфинитивом.

Итак, считаем рассмотрение в работе всех форм на *-вши* и сопоставление их с категорией состояния избыточными.

Диссертация Антонины Алексеевны Загороднюк на тему: «Семантика и функционирование книжно-письменных синтаксических конструкций в современной русской устно-разговорной речи на материале национального корпуса русского языка» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Антонина Алексеевна Загороднюк заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, доцент

Д. Г. Демидов

2 сентября 2023 г.